

M-25

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

А. А. МАРТИРОСЯН

Культура Южного Закавказья
в VII—VI вв. до н. э.
по археологическим данным

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН 1951

Крупнейшие события, происшедшие в жизни древневосточных рабовладельческих государств в VII—VI вв. до н. э. с необычайной быстротой изменили исторический облик всего древнего Востока. Борьба быстро возвышавшихся отдельных стран Передней Азии против Ассирии, Урарту и других государств завершилась гибелью последних.

В период этих событий начался новый этап в развитии закавказского общества, приведший к процессу образования народов Закавказья. Развитие территориально-локальных культур в начале первого тысячелетия подготовило почву для перехода закавказского общества на более высокую ступень материального производства, а следовательно и общественного состояния. Целый ряд новых элементов, выступивших в культуре этой эпохи, характеризует собою последний этап первобытно-общинного строя, идущего, под влиянием коренных изменений в хозяйстве, к неминуемой гибели. Этот интересный период жизни древнейшего общества на территории Южного Закавказья не послужил еще темой специального исследования, хотя из года в год все увеличивающийся археологический материал делает подобную работу все более настоятельной.

В настоящей работе автор поставил себе целью дать сводное обозрение и анализ археологических памятников Южного Закавказья периода VII—VI вв. до н. э. в связи с раскопками урартского города Тейшебаини (Кармир-блур) и сделать представляющиеся возможными выводы о данном историческом периоде. В основание работы положены результаты раскопок могильника в с. Головино (Дилижанский район Арм. ССР), произведенных автором летом 1950

года, археологический материал, добытый из упомянутого же могильника раскопками экспедиции Комитета по охране исторических памятников Армении (1929), а также исследования, произведенные на протяжении ряда лет Кармир-блурской археологической экспедицией, участником которой являлся и автор диссертации.

В работе использованы рукописные отчеты, хранящиеся в архиве Института истории материальной культуры АН СССР (ЛОИИМК), коллекции из раскопок на территории Южного Закавказья, хранящиеся в Государственном историческом музее Армении и в Государственном Эрмитаже. Привлечена литература, посвященная древним археологическим памятникам других районов Кавказа.

Диссертация состоит из вступления и пяти основных глав. Объем работы 7 печатных листов и 34 таблицы.

I. КРАТКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В ЗАКАВКАЗЬЕ.

Изучение материальной культуры древнейшего Закавказья началось 80 лет тому назад. За этот короткий промежуток времени, наряду с древними памятниками армянской и грузинской культур, были обследованы также могильники, относящиеся к тому периоду, когда еще не существовали современные народы Закавказья, близкие к культуре эпохи бронзы и раннего железа, наелюденной в других местах. Начальный период развития этих работ, охвативший 50-летний промежуток времени, явился этапом собирания и накопления музейных ценностей, характеризующимся отсутствием (на местах) организаций, занимавшихся археологическим изучением края, проведением любительских, неплановых и несистематических раскопок, часто кладонскательского порядка, и публикациями описательного, чисто вещеведческого характера, иногда со слабыми попытками определения материала во времени и территориально.

В соответствии с этим господствующей в науке являлась миграционная теория, направлявшая свои, регулируемые политическим положением Востока, „волны“ то на Восток, то на Запад.

* * *

В эпоху наиболее крупных археологических открытий в мировом масштабе и господства миграционной теории жили основоположники диалектического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс, которые особо подчеркивали первостепенную роль археологии в деле изучения пройденных этапов истории человеческого общества и, в частности, в деле понимания исторических процессов современности и будущего. Глубокий исторический подход Карла Маркса к памятникам древности замечательно иллюстрируется следующей его мыслью:

„В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.“ По словам К. Маркса эти памятники делают нас „свидетелями“ кооперативных процессов труда в древности.¹ Классики марксизма возвращались к этим вопросам неоднократно. Вопреки установкам археологической науки XIX столетия, пытавшейся вести археологические изыскания оторванно от этнографических и исторических исследований, основоположники марксизма рассматривали эти вопросы в общей взаимосвязи.

Советские археологи, в том числе и кавказоведы, на основе марксистской методологии провели плодотворную работу по изучению древнейших этапов истории Кавказа. После установления советской власти в республиках Закавказья были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерное и систематическое изучение древних памятников.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 340, Госполитиздат, 1950.

Начались работы по археологическому картографированию отдельных республик и глубокое изучение последовательных звеньев культуры на ограниченных пространствах с целью установления хронологии последовательных этапов развития культуры и выяснения экономической, а также социальной картины этих связанных между собою звеньев.

Путеводной звездой в этой многогранной и сложной работе советских археологов являются труды великого корифея науки И. В. Сталина, обогатившего советскую науку своим гениальным произведением „Марксизм и вопросы языкознания“.

Только в сталинскую эпоху стали возможными такие грандиозные по масштабу и систематические археологические работы, как раскопки урартской крепости Тейшебаини (Арм. ССР), многослойных Самтаврского (Груз. ССР) и Мингечаурского (Аз. ССР) могильников и др. Наряду с этим большое внимание было уделено также изучению менее грандиозных, но не менее характерных археологических памятников, относящихся исключительно к эпохе освоения железа.

К числу таковых нужно отнести раскопки (1927) кромлехов в с. Элар, Котайкского района, двух могильников у с. Головино (1929 и 1950) Дилижанского района, обследование могильников в с. Памбак, Лори-Памбакского района (1928), в с. Ани-пемза Лениканского района, в Кироваване (Арм. ССР) и в других местах.

Чрезвычайно плодотворные работы по изучению памятников данной эпохи были произведены в Груз. ССР. Уже давно вошли в научный обиход результаты раскопок Цицамурского, Цинцаройского, Бешташенского, Дванского, Дманисского, Сантинского и др. могильников.

Проведенные за 80 лет археологические изыскания, а особенно работы советских археологов, создали прочную базу для систематизации памятников многих районов Закавказья по времени. Они создали также реальную осно-

ву для изучения археологических памятников по горизонтали, т. е. для синтеза и синхронизации памятников и, таким образом, определения различных этапов общественно-го развития в пределах макрорайонов.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ШИРОКОГО ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА У СЕЛЕНИЯ ГОЛОВИНО.

Среди всех могильников эпохи широкого освоения железа особо важное место занимает могильник, открытый в 1929 г. при строительстве кирпичного завода в ущелье Хртаноц между с. Головино и г. Дилижан на территории Головинского санатория Министерства здравоохранения.

Раскопки кромлехов этого могильника дали исключительный по своему значению материал, ярко иллюстрирующий близкие культурные взаимоотношения между государствами древнего Востока, Закавказья и скифами¹.

Материал этот поступил в Гос. Исторический музей Армении без достаточной документации и представляет ныне из себя богатую коллекцию (№ 291), характерную для эпохи широкого использования железа и отличающуюся разнообразием представленного в ней инвентаря, а также особо четкой выделкой предметов самого различного назначения. В коллекции можно выделить следующие основные группы предметов: вооружение, снаряжение, украшения из бронзы, украшения из полудрагоценных камней и пасты, металлическая и керамическая посуда.

В разряд вооружения входят *наконечники копий, кинжалы и ножи* из железа, а также два кинжала и две пики из бронзы.

Наконечники копий типологически могут быть разделены на две группы. В первую группу входят наконечники копий крупного и среднего размера (7 шт., дл. от 47

¹ Материал этих раскопок не издан.

до 27 см), имеющие короткую, полую втулку и вытянутое листовидное лезвие с четким срединным ребром. Эти наконечники копий близко напоминают урартские.

Вторую группу составляют миниатюрные наконечники копий с листовидным лезвием, часто без срединного ребра (3 шт.). Длина их колеблется от 21 см до 15,5 см. Эти наконечники копий, обнаруживающие сходство с таковыми же в бронзе, при раскопках урартских поселений совершенно не попадаются.

Железные кинжалы (3 шт.) обнаруживают большое разнообразие (как вообще в эпоху железа) и не поддаются классификации. Первый из них представляет собой четко выделанный кинжальный клинок, расширенный верхний конец которого носит на себе два гвоздика для насадки бронзовой головки и плавно суживается до острия (дл. 20 см). Вторым кинжал, выкованный вместе с рукояткой, имеет расширяющееся к основанию рукоятки лезвие с четким срединным ребром, плавно переходящее в рукоять (дл. 24 см). Третий большой кинжал (фрагментированный) был выкован также вместе с длинной рукоятью, завершенной массивной головкой, изготовленной из того же куска железа.

Железные ножи, подобно наконечникам копий, составляют две независимые друг от друга группы. В первую группу входят два серповидно-изогнутых ножа урартского типа, со слегка утолщенной спинкой, а вторую группу составляют мелкие ножи, имеющие тоненькую ровную рукоятку с гвоздиками для деревянных накладок, незаметно переходящую в одностороннее лезвие подтреугольной формы.

Предметы вооружения из бронзы не являются характерными для коллекции. Они часто выступают в пережиточной форме. Эта группа состоит из двух кинжалов и двух пик. Первый кинжал представлен фрагментом нижней части клинка с широкой полосой посередине. Правый верх-

ний конец ее умышленно притуплен ударами молота и обломок этот превращен в нож. Вторым кинжал имеет вытянутый клинок с двумя ребрами с четырьмя желобками, который отделен от обоймчатой рукояти выступающим нижним краем обоймы, предназначенной для деревянных вставок. Рукоять кинжала завершается полусферической головкой, имеющей с наружной стороны треугольные выемы, также для инкрустации.

Пики (2 шт.) изготовлены из бронзовых пластин, не отличаются по форме от известных в Закавказье образцов.

В разряд снаряжения входят пять бронзовых поясов, изготовленных из кованных листов, носящих различную орнаментацию:

а) цельный бронзовый пояс, украшен пятью горизонтальными поясками, заполненными точечным (выбитым) узором (дл. 94 см);

б) крупный фрагмент аналогичного пояса;

в) мельчайшие фрагменты, образовавшие некогда двухрядный спиральный бордюр пояса. На одном из фрагментов сохранилась выполненная штрихами часть изображения какого-то животного;

г) крупный фрагмент широкого пояса с закругленными концами, поверхность которого украшена геометрическим резным орнаментом. Края пояса обрамлены двумя рядами треугольников, обращенных остриями к внутренней части его, украшенной рядом четырехугольников;

д) последний экземпляр состоит из двух дополняющих друг друга фрагментов, носящих на себе гравированное изображение совершенно аналогичных трех грифонов, расположенных в одном ряду по вертикали.

Характерную часть коллекции составляют и украшения из бронзы. Они ярко иллюстрируют связи с предыдущей стадией развития Закавказского общества, а некоторые из них связаны определенно только с эпохой железа и дают дополнительный для датировки памятника материал. В этот разряд входит несколько групп: *браслеты*,

кольца, шейные гривны, цилиндрические бронзовые трубочки, височные кольца, бронзовые бусы.

Браслеты, изготовленные из бронзы, а частично из серебра и железа, отличаются большим разнообразием. Они могут быть разделены на следующие группы:

а) замкнутые, круглые в сечении браслеты, отлитые в каменной или глиняной форме (диаметр от 5 до 5,7 см.);

б) подобные же браслеты со слегка разомкнутыми концами;

в) браслеты, отличающиеся от браслетов первой группы только по величине (диаметр 6—7 см);

г) украшенные насечками замкнутые браслеты;

д) ножные замкнутые браслеты, украшенные насечками;

е) четковидные браслеты из железа и бронзовый браслет, украшенный на концах змеинными головками;

ж) браслеты с заходящими друг на друга концами.

Характерную группу составляют сильно крученые шейные гривны, плоские—пластинчатые колечки, проволочные кольца с завернутыми друг на друга концами, замкнутые кольца с украшенной насечками поверхностью, отлитые по восковой модели, цилиндрические трубочки, свернутые из узких пластин, „плодовидные“, подвески с петелькой для подвешивания, ромбической и полушаровидной формы пуговицы-бубенчики, височные кольца и др. украшения.

Яркую и чрезвычайно характерную группу составляют типичные белопастовые бусы, названные Б. А. Куфтиным „бусы в виде домино“, костяные бусы той же формы, четырехгранно-столбчатые бусы из того же материала, бисер из белой, голубой и желтой пасты, сардониковые бусы боченкообразной формы, сердоликовые и яшмовые бусы овальной или шаровидной формы, а также треугольные и круглые, олуферические, пронизи из пасты и др. украшения.

Бронзовые сосуды, редко встречавшиеся в коллекциях

и могильниках представлены тремя коваными чашами. Одна из них является замечательной фиалой, дно которой имеет форму выдавленной розетки из 18 лепестков, а другие две имеют совершенно простую форму.

Керамическая посуда, отличающаяся большим разнообразием, может быть разделена на две определенные группы. Первую многочисленную группу составляет чернолощенная керамика: горшки бомбовидной формы с низкой шейкой, миски с треугольным в плане маленьким выступом, прикрепленным у нижнего края венчика, чернолощенные кружки с прилепной ручкой. Наружная поверхность этих кружек украшена несколькими рельефно-вогнутыми широкими полосками. В эту группу входят также чернолощенные кувшины с характерными ручками, украшенными снаружи вдавленными треугольниками.

Вторую группу составляют простые грубые горшки „кухонного“ назначения, темные или светлые, почти всегда закопченные. Характерным признаком этих сосудов является семячковый орнамент, проведенный почти по центру корпуса.

* * *

В результате работы над материалом коллекции удалось установить лишь один погребальный комплекс (комплекс № 8). Установить остальные комплексы не удалось ввиду отсутствия дневника, погребальной описи и других документов. Не удалось также составить точное представление о могильнике, о форме погребений и т. п. Этим положением были вызваны новые раскопчные работы на том же могильном поле, произведенные в августе 1950 года.

К моменту прибытия на место, где был обнаружен могильник в 1929 году, могильное поле представляло собою совершенно выравненную продолговатую площадку (70 × 20), не обнаруживающую никаких внешних признаков наличных здесь погребений, кроме отдельных, кое-где тор-

чащих из-под земли камней, не оставляющих впечатления какого-нибудь археологического памятника.

Таким образом, было чрезвычайно затруднено дело обнаружения и подсчета могил, засыпанных наносом земли и подчас разрушенных. Но судя по плану расположения могил, составленному экспедицией 1929 г., кромлехи были расположены друг подле друга в 5—6 горизонтальных рядов. В каждом ряду насчитывается примерно 15—20 могил, общим числом около 90—120. Раскопанные в 1950 г. три погребения (направление с СВ на ЮЗ), сооруженные из огромных каменных глыб, были окружены снаружи кругом камней, плотно пригнанных друг к другу и перекрыты 2—3-мя большими каменными плитами. Конструктивно не отличались от этих и остальные 22 кромлеха, раскопанные в 1929 году. Первый кромлех содержал четыре костяка в скорченном (на боку) положении, второй кромлех—три костяка и третий кромлех—один костяк. Извлеченный богатый материал полностью соответствует материалу из раскопок 1929 года.

Раскопки второго могильника, обнаруженного случайно в августе 1950 года при земляных работах на северной окраине с. Головино по двум сторонам дилижанского шоссе, в 500 метрах от только что описанного, дали также очень важные результаты. Исследованием могильника (А. О. Мнацаканян, А. А. Мартиросян) были установлены разновременные погребения, среди которых характерными являются гробницы, состоящие из склепов, сооруженных из огромных каменных глыб и перекрытых сверху 2—3-мя большими камнями, которые служат внешними признаками погребений, ориентированных с СВ на ЮЗ. Особенный интерес представляет здесь погребение (№ 2), раскопанное А. О. Мнацаканяном. Оно содержало остатки 18 склепов и весьма характерный для эпохи железа материал (железные изогнутые ножи, серп, орнаментированные кувшины лалварского типа, обсидиановые продолговатые стрелочки и мн. другого).

Хотелось бы отметить наличие здесь еще и других „кромлехов“, находящихся на противоположном скате ущелья Хртаоц, как раз напротив могильника, на возвышенном холме с плоской макушкой. Эта хорошо укрепленная местность господствует над всей окрестностью и является очень удобной именно для поселения. Северная сторона холма укреплена огромной кладкой. „Кромлехи“, расположенные здесь, вдвое больше по размерам (диаметр 7—8 метров) по сравнению с кромлехами могильника. В отличие от могильника, кромлехи которого были расположены в отчетливо выделенных рядах, на определенном друг от друга расстоянии, эти большие „кромлехи“, имеющие в плане круглую, а иногда и подквадрато-удлиненную форму, примыкали друг к другу так, что внешняя стена одного сооружения составляла внутреннюю стену другого. Вопрос о назначении этих интересных сооружений остается, однако, открытым до тех пор, пока не будут произведены здесь раскопочные работы. Я лично склонен считать их не могильными сооружениями, а *жилищами* укрепленного поселения, связанного с вышерассмотренным могильником Хртаоцкого ущелья.

Проведенные летом 1950 г. работы в окрестностях с. Головино дали богатый археологический материал, хорошо документированные комплексы и, таким образом, возможность сравнительного изучения этих памятников в связи с синхронными памятниками других районов Закавказья.

III. СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

Могильники у с. Головино являются характерными, но не единственными памятниками эпохи широкого освоения железа. Севернее этой группы, на высоком, хорошо укрепленном природой плато реки Дебед, у с. Акнер (б. Ворнак) расположены разновременные могильники, обследованные археологами неоднократно.

К важным результатам привели работы, произведен-

ные здесь Е. С. Такайшвили в 1894 году, открывшим 40 каменных ящиков, расположенных как в средней, так и в восточной части плато. Металлический инвентарь некоторых погребений (№№ 1, 2, 5 и др.) по целому ряду основных линий обнаруживает большое родство с инвентарем могильников у с. Головино. Аналогичные вышеупомянутым, но правда менее характерные, каменные ящики были раскопаны Е. С. Такайшвили и в селениях близ лежащих от Ворнака (Матур—погр. №№ 3, 5, 6, 7 и др., Ахпат—погр. № 2, 3 и др.).

Большой интерес представляет то обстоятельство, что погребения, открытые Е. С. Такайшвили в Ворнаке и близ лежащих селах, с одной стороны близко напоминают кромлехи, раскопанные в ущелье Хртаноц, а с другой—некоторые погребения Лалварских могильников, давших богатейший сравнительный материал. Вспомним хотя бы Ахталанское погребение № 47 (которое не отличается от кромлеха № 3, раскопанного в ущелье Хртаноц, как по своему инвентарю, так и по расположению его в могиле), некоторые погребения могильников в Мусиери (№№ 472, 442, 79, 134 и др.) и в Шейтандаге (№№ 14, 38, 40 и др.).

Важное значение Лалварских могильников заключается в том, что они дали весьма характерный для железного века Южного Закавказья, хорошо датируемый и четко разграничивающийся материал, который замечательно связывает культуры, обнаруженные южнее (Головино) и севернее Лалвара (Дманиси). Между Лалварскими и Цалкинскими могильниками, времени широкого использования железа, промежуточное (географически) положение занимает могильник, открытый у стекольного завода в с. Дманиси, Башкичетского района Грузинской ССР. Причисление некоторых погребений этого могильника (№ 4 и др.) к ряду приведенных нами могильников кажется необходимым, так как этот могильник (в целом) обнаруживает более чем близкие отношения, с одной стороны, с могильниками Лалварского массива, с другой—с погребениями цалкинской

группы и даже Северной Осетии, датируемыми VII—VI вв. до н. э.

По пути от Дманиси на север, на территории Цалкинского плоскогорья, расположено несколько могильников, очень близких к вышеупомянутым по обнаруженной в них материальной культуре. В эту группу входят два могильника у с. Цинцкаро (1937), датированные Б. А. Куфтиным вавской эпохой, могильник около с. Бешташени, раннеахеменидской эпохи и могильник, в урочище Маралын-дереси, материал которого хорошо связывается как с инвентарем поздней группы Лалварских могильников, так и с материалом из горного Кавказа, как на это указал уже Б. А. Куфтин.

Проследив распространение синхронных и идентичных по значению, археологических памятников с юга на север, по прямой линии, на некотором участке территории Южного Закавказья, нужно отметить, что культура, представленная здесь несколькими лишь памятниками, сплошным покровом распространена на всей территории Южного Закавказья. Севернее описанной группы расположена мцхетская группа памятников раннескифского времени (Самтавро, Цицамури, Манглиси), а южнее с. Головино, в бассейне оз. Севан, расположено несколько групп курганов и кромлехов, относящихся определенно к интересующему нас времени (группа Загалинских погребений, две группы курганов в с. Кишлаг, группа Паташарских курганов, курганы у с. Гулалу и др.).

Весьма близкие к перечисленным погребения были обнаружены летом 1950 года южнее Севанской группы, в с. Сисиан, Сисианского района.

К западу от Мцхета эта культура представлена могильником VII—VI вв. до н. э. в с. Двани, датированным с помощью наконечников стрел раннескифского типа, а юго-западным пунктом распространения этой культуры по видимому нужно считать с. Заким б. Карсской области (ссылаясь на находку там браслета, украшенного на концах

змеинными головками и бронзового пояса, носящего на себе изображения деревьев жизни и фантастических зверей).

Таким образом мы получаем довольно большую территорию, охватывающую почти всю Северную Армению и Южную Грузию, заключенную между течениями рек Куры и Аракса и образующую форму неправильного четырехугольника, северо-восточным пунктом которого является с. Цицамури, северо-западным—с. Двани, юго-восточным—с. Сисиан, а юго-западным—с. Захим.

Но как бы широко ни были распространены эти могильники, характеризовать культуру данного периода, только на основании их изучения, представляется невозможным, хотя они дают богатый и легко добываемый сравнительный материал. Древние же поселения, представляющие собою, в сущности, остатки материальной жизни общества, дают более широкое и правдивое понятие о материальном производстве и об уровне его развития в ту или иную эпоху. К сожалению, поселения, относящиеся к эпохе широкого освоения железа на интересующей нас территории, еще не изучены.

Этот существенный пробел в связи с настоящей темой значительно восполняется изучением археологических памятников древневосточного типа, находящихся на территории Армении и тесно связанных с рассмотренными могильниками как по культуре, так и по времени.

Одним из самых замечательнейших древневосточных памятников является урартская крепость Тейшебаини, на холме Кармир-блур, близ Еревана, которая имеет очень много близких элементов с памятниками из отмеченных могильников. Постройка ее царем Руса, сыном Аргишти (вторая четверть и середина VII в. до н. э.), была засвидетельствована обломком клинообразной надписи, а также надписью на бронзовом замке, найденном в одном из помещений цитадели. Раскопки этой грандиозной цитадели не только подтвердили датировку памятника, но и дали богатейший материал, освещающий не только вопросы

урартской истории в экономическом, политическом, идеологическом и в культурном отношении, но и вопросы истории закавказского общества времени урартской экспансии в Закавказье, характеризуя собой, таким образом, культуру этапа древневосточного рабовладельческого общества на территории Закавказья, когда оно входило в состав древневосточного государства Урарту.

Раскопки урартской крепости Тейшебаини чрезвычайно характерны тем, что они дают наиболее богатый материал по культуре и истории урартов, скифов и закавказских аборигенов. Так, среди инвентаря, обнаруженного в помещении № 18, выделяются как весьма близкие по форме к предметам из могильников Южного Закавказья (железные ножи, кинжалы, серп и др.), так и отличные от них изделия (замок, чаши урартских типов, части конского убора скифского типа). В другом помещении (№ 28) наряду с ярко выраженными урартскими комплексами (щиты, каменные печати, обломок колчана и пр.) был обнаружен комплекс железных (наконечники копий, ножи, тесла и пр.) и бронзовых (пояс с выбитым точечным узором, фибулы с выгнутой дужкой, змеиноголовые браслеты, бусы и пр.) изделий, не отличающийся от материала, обнаруженного в южно-закавказских могильниках VII—VI вв. до н. э. Другие материалы из этого помещения хорошо связываются со скифскими комплексами конца VII и начала VI в. до н. э.

Однако раскопки цитадели на Кармир-блуре дают все же, главным образом, урартский материал. Менее ярко освещается путем этих раскопок жизнь местного населения. В этом отношении исключительный интерес представляет изучение поселения городского типа у Кармир-блуре, населенного в большей своей части местными жителями и обнаруживающего больше местных элементов. Культурно-хронологические рамки для основного слоя поселения с совершенной определенностью уточняются при рассмотрении керамики этого слоя, представляющей собою основную и

характернейшую массу инвентаря, обнаруженного в жилищах и датирующего поселение, с помощью и других данных, временем существования крепости Тейшебаини и близких ей по культуре могильников Южного Закавказья. В этом особенно убеждает разбор керамики, обнаруженной в жилищах города.

Керамика эта делится на несколько групп, причем среди них четко выделяется как урартская, так и местная керамика, составляющая основную массу городской керамики.

Особенно хорошо связываются с керамикой из могильников Армении многочисленные фрагменты лощеных кувшинов с характерными дугообразными ручками, имеющими на поверхности штампованный орнамент в виде насаженных друг на друга вершинами треугольников, фрагменты мисок с треугольными в плане маленькими выступами под венчиком, крупные фрагменты маслбоек и обломки чернолощенных орнаментированных (рельефно и лощением) кувшинов лалварского типа. Остальные немногочисленные изделия, найденные вместе с керамикой, представляют собой бытовой инвентарь, сопоставление которого с материалами из синхронных могильников Южного Закавказья указывает также на интенсивные связи с городом Тейшебаини.

Таким образом, рассмотренный вещественный материал из городского поселения имеет одинаковый характер с материалами из крепости на Кармир-блуре и из могильников эпохи широкого освоения железа в Южном Закавказье, что говорит как об одновременности указанных памятников, так и о культурно-экономических широких связях.

Описанные выше археологические памятники характеризуются одними и теми же чертами, за исключением цитадели на Кармир-блуре, где вместе с характерным для Закавказских могильников инвентарем очень богато представлены урартские вещественные памятники и кармир-блурского могильника, примыкающего к группе рассмот-

ренных памятников, но не идентичного. Благодаря этому можно выделить характерные для всех этих памятников группы металлических предметов, имеющих совершенно близкие формы, а следовательно, и назначение. Это обстоятельство делает возможным рассмотрение отдельных групп металлического и другого инвентаря закавказских могильников VII—VI вв. до н. э. на основании археологического материала, добытого раскопками одного лишь могильника, хотя каждый из этих могильников, если даже они примыкают друг к другу территориально, обнаруживает часто и свои специфические черты. В дальнейшем изложении инвентарь синхронных археологических памятников Южного Закавказья анализируется на основании вещественных комплексов из раскопок могильника в ущелье Хртаноц.

IV. ИНВЕНТАРЬ ИЗ МОГИЛЬНИКА В УЩЕЛЬЕ ХРТАНОЦ И СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Рассмотрение инвентаря из могильника в ущелье Хртаноц в общей связи с инвентарем из одновременных южно-закавказских археологических памятников совершенно определенно показывает невозможность отождествления его с культурами начального периода освоения железа или же ахеменидской эпохи, хотя культура, рассмотренная нами, хорошо связывается как с первой, так и со второй. Вместе с тем изучение инвентаря Хртаноцкого могильника дает возможность установить наличие тесных культурных связей, с одной стороны, с позднеурартской и раннескифской культурами, а с другой стороны—тождество Хртаноцкого могильника с могильниками Южного Закавказья, датированными совершенно определенно VII—VI вв. до н. э. Связи местных памятников с городом Тейшебаини, прочно датированным VII—VI вв. до н. э., на основании письменных памятников вырисовываются совершенно четко не только при анализе железного инвентаря (наконечники ко-

пий, серпы, ножи и пр.), но и при рассмотрении бронзовых изделий—продуктов ремесла и искусства (браслеты, фибулы, пояса и пр.), ожерелий из стекла, пасты и полудрагоценных камней и местной керамики, представленной в кармир-блурском комплексе кувшинами, мисками, орнаментированными горшками грубой выделки и т. п. Близкие взаимоотношения закавказской и урартской культур в некоторой мере предопределили как развитие северо-кавказской и скифской культуры, так и широкие связи последних с Закавказьем и древним Востоком. Особенно четко прослеживаются связи закавказской культуры с культурой Северо-восточного Кавказа (наконечники копий, ножи из железа, некоторые бронзовые изделия, агатовые и сердоликовые бусы) скифского времени и менее определенно с так называемой кобанской культурой.

Прочные аргументы для датировки Хртаноцкого инвентаря дает сопоставление его с железными (изогнутые ножи, топорик, некоторые наконечники копий) и бронзовыми (пояса, ножны, змеиноголовый браслет, конские уборы) изделиями из скифских богатых курганов Прикубанья (Келермес) и Приднепровья (курганы близ Смелы), датированных VII—VI вв. до н. э. Однако изучение археологических комплексов эпохи широкого использования железа позволяет видеть реальные связи не только с Северо-Кавказскими и Северо-Причерноморскими скифами, но и со скифами, населявшими Приурмийский район, согласно сведениям ассирийских письменных источников и данных археологии (погр. в с. Гуци, клад в Саккизе), в течение VII—VI вв. до н. э. При этом особенно важно отметить, что огромное большинство рассмотренных в работе археологических комплексов сопровождается трехгранными или двуперыми наконечниками стрел раннескифского образца, получившими широкое распространение на территории всего Кавказа и Переднего Востока в комплексах материалов VII—VI вв. до н. э.

Обнаруживая резкое отличие от инвентаря из предшествующих и последующих во времени археологических памятников, инвентарь Хртаноцкого могильника прочными узлами связан с инвентарем всех южно-закавказских могильников VII—VI вв. до н. э. по всем основным формам орудий и оружия (железные копья, ножи, кинжалы, пики, серпы, предметы снаряжения, предметы украшения из бронзы, камня, пасты и т. п.). Единичные предметы, тяготеющие к более ранним этапам развития металлургии, являют собой пережиточные образцы и не имеют никакого значения для датировки памятника.

Сказанное делает несомненной датировку могильника в ущелье Хртаноц временем VII—VI вв. до н. э.

ВЫВОДЫ

Целый ряд новых элементов, выступивших в культуре VII—VI вв. до н. э., свидетельствует о коренных изменениях, предопределивших весьма существенные сдвиги в материальной и духовной жизни южно-закавказских аборигенов. Интенсивный рост земледелия и скотоводства, ремесла и междуобщинного обмена создали необходимые условия для перехода южно-закавказского общества на более высокую ступень общественного развития.

Еще с неолитических времен в Южном Закавказье непрерывно развивалось ирригационное земледелие, а к моменту урартской экспансии уже вся территория Северной Армении была покрыта сложной сетью ирригационных систем, обнаруженных и исследованных в районах горы Арагац, Агмаганских гор, а также на Араратской равнине. Сооружение ирригационных систем, связанных с крупными водными артериями страны, стало возможным именно в этот период, так как оно требовало более высоких технических навыков. У одного из таких каналов в Октемберянском районе (Арм. ССР) была обнаружена урартская клинообразная надпись, повествующая о проведении канала.

Грабительские урартские походы и увод населения привели в упадок (на время) ирригационную систему и вместе с тем земледелие, поэтому в дальнейшем, при экономическом освоении районов Армении, в целях эксплуатации подвластного населения, урарты стали развивать ирригационное хозяйство страны, культивировать новые виды растений и т. п.

Об этом свидетельствуют урартские клинообразные надписи, а также раскопочный материал из урартских поселений. Раскопки могильников, относящихся к последнему периоду урартского владычества, дают в этом отношении ценный материал. Находки в них железных серпов, деревянных молотилок и других орудий свидетельствуют о высоком развитии земледелия. Наличие молотильных досок в погребениях этой поры свидетельствует еще о другом, более важном моменте в жизни родоплеменной организации, а именно—о зачаточном развитии частной собственности, все больше накапливаемой в отдельных семьях, в условиях отцовского права с наследованием имущества детьми. В соответствии с этим вполне вероятно, что обрабатываемые участки земли, находившиеся еще в собственности сельской общины, предоставляются в пользование отдельным семьям или дворам, как это имело место в родовом строе Чечни и Дагестана, а равно с этим начинает исчезать и совместная обработка земли.

Обработке земли по отдельным участкам, а также широкому освоению плоскогорных и долинных полей не противоречит предположение Б. Б. Пиотровского о том, что разрабатываемые участки земли в Северной Армении в урартское время располагались на тех же местах, где и современные. Эти поля были заняты под посевы зерновых культур, виноградников, фруктовых садов и огородов, о чем свидетельствуют как раскопочный материал, так и эпиграфические урартские памятники.

Таким образом, в период VII—VI вв. до н. э. в условиях тяжелого урартского гнета, быстрыми темпами раз-

вивалось ирригационное земледелие, конечно, не без влияния урартской культуры, выразившегося, в частности, в усовершенствовании оросительной сети и во введении новых земледельческих культур (кунжут, просо).

Крупнейшие перемены произошли и в скотоводстве. Непомерное увеличение численности скота, а также накопление его в руках все больше обособляющихся отдельных патриархальных семейств обусловили переход скотоводства в степные районы страны. Высокогорные альпийские луга, дававшие некогда неограниченные возможности для развития скотоводства, оказались теперь явно недостаточными, а высокое развитие земледелия в степных районах страны создавало надежную кормовую базу для зимовки скота. Бесперывное развитие скотоводства в благоприятных природных условиях Южного Закавказья служило решающим фактором, оказавшим существенное влияние на ход развития общества.

Будучи основным видом хозяйства, скотоводство, наряду с земледелием, превратилось в основной источник для накопления богатств и собственности, дающий впервые прибавочный продукт (молочный, мясной) и тем самым стимул для межплеменного обмена. На основе развития скотоводства (и земледелия) усиливалось имущественное неравенство между отдельными племенами еще задолго до урартской экспансии, а в период урартского владычества—и классовое расслоение внутри этих племен, ускоренное политическим и экономическим вмешательством урартов, опиравшихся в своей деятельности на местных правителей и на близстоящий к ним слой населения, но поработивших тысячи и тысячи соплеменников и сородичей тех же самых правителей. Вместе с тем скотоводство служило яблоком раздора в отношениях соседних племен, стремившихся приобрести скот и пастбища скорее путем грабежа и превративших, таким образом, войну в источник накопления богатств, в один из видов своеобразного „производства“.

Ценные сведения о высоком развитии скотоводства дают клинообразные урартские надписи, а также погребальный материал.

Имеющийся теперь уже материал делает вполне вероятным предположение о том, что если в период грабительских урартских набегов скот захватывался и угонялся в Биайну, то во второй период урартского владычества скот поступал в их административные центры в виде дани вместе с зерновыми злаками и другим добром. Широко распространенным в Закавказье видом животных в эпоху железа были лошади, служившие целям полукочевое скотоводства, а также земледелия.

В погребальном обряде VII—VI вв. до н. э. мы встречаем повсеместно захоронения человека и коня, что является показателем нового этапа в развитии погребального обряда, отражающего коренные изменения, происшедшие в области хозяйственной жизни страны в связи с ростом полукочевое скотоводства.

При раскопках могильников в Закавказье встречались также могилы, содержащие только скелеты быков, дающие возможность установить наличие культа быка в Закавказье.

Возвращаясь к вопросу о животноводстве, нужно отметить, что разведение скота обеспечивало население не только мясными и молочными продуктами, но и сырьем для ткацкого ремесла. О высоком уровне развития ремесел свидетельствуют продукты гончарного, деревообрабатывающего, ткацкого, кожевенного и других ремесел.

Но важнейшим событием в материальном производстве этой эпохи явилось быстрое и широкое освоение железа, вытеснившего окончательно из хозяйства каменные и бронзовые орудия, вооружившего первобытного человека совершенно новыми и мощными средствами в борьбе с природой, поднявшего производительность труда на более высокую ступень. Широкое и быстрое освоение железа было обусловлено несколькими обстоятельствами, связанными с общественным развитием всего переднеазиатского мира.

Развитие территориально-локальных культур в начале первого тысячелетия создало возможность для перехода Закавказского общества на более высокую ступень, сделало возможным интенсивный межплеменной обмен. Таким образом была подготовлена почва для тесных связей со странами древнего Востока. Немаловажную роль в деле широкого освоения железа сыграло влияние урартской культуры, на что указывает сравнительный анализ материалов из урартских и местных археологических памятников. Однако к моменту VII—VI вв. до н. э. в железном инвентаре закавказских могильников выделяются определенные группы предметов, имеющих независимые от урартских формы и тяготеющих скорее к формам бронзовых предметов, что свидетельствует о далеко зашедшем процессе освоения железа. Несомненно, эта высоко развитая металлургия не могла базироваться на привозном сырье и должна была иметь местную солидную базу.

Геологические работы, проведенные за последнее время на территории Советской Армении и в других местах, показали, что железнорудные месторождения Южного Закавказья могли бы вполне удовлетворить запросы той отдаленной эпохи, более того, они показывают, что все эти месторождения разрабатывались еще в глубокой древности, о чем говорит наличие древних выработок, обширных отвалов и скопления шлаков плавки железных руд. Незаурядный интерес представляет то обстоятельство, что и на основании армянских средневековых литературных источников, а главным образом лапидарных надписей, можно установить места древних разработок.

Достигшее высокого развития ремесло находилось в руках отдельных ремесленников, явившихся первыми „торговцами“, распространяющими свою продукцию по всему Закавказью. Таким образом основными отраслями хозяйства в обществе VII—VI вв. являлись скотоводство, земледелие и ремесло, развивавшиеся на основе неразрывной связи и обусловившие собою естественное разделение труда между

земледельческими и скотоводческими племенами. Археологические работы, произведенные в Закавказье дают также сравнительно большие возможности для восстановления приблизительной картины социальной жизни общества VII—VI вв. до н. э., находящегося на пути разложения первобытных доклассовых отношений и зарождения классовой дифференциации, усиленной под влиянием урартского владычества.

Глубокая имущественная дифференциация давным-давно разлагала первобытное доклассовое общество, и этот процесс отразился уже в погребальном обряде. Особенно важно в этом отношении то обстоятельство, что в погребениях Южного Закавказья скелеты сопровождающих и основных захоронений резко отличались друг от друга антропологически. Черепа костяков основных погребений были долихоцефальными, а черепа сопровождающих костяков—брахикефальными. Это наблюдение подняло уже в литературе вопрос о приобретении рабов в южных (от Закавказья) районах, для населения которых брахикефалия очень характерна. Появление рабов в Закавказье, начиная с эпохи бронзы, было обусловлено развитием производительных сил общества и увеличением производства в основных отраслях хозяйства. Выше мы увидели, что в силу происшедших в хозяйстве коренных изменений скотоводство, земледелие и ремесло стали развиваться невиданными до того времени темпами и создали, таким образом, огромные возможности для привлечения в процессе производства материальных благ все новых и новых рабочих рук, для обращения в рабство военнопленных в массовом порядке. Этот процесс в сильной мере отразился в погребальном обряде. Погребения, содержащие сопровождающие захоронения, встречаются в эту пору сплошь и рядом и не представляют собою уникалов, как это наблюдается при изучении могильников бронзового века, когда сопровождающие погребения встречаются лишь в могилах, снабженных чрезвычайно богатым инвентарем.

Количество пленных, обращенных в рабство в эпоху железа непомерно увеличивается и если в эпоху бронзы рабами могли обладать особо важные лица, то в данный период в родоплеменном строе Закавказья выделяется довольно густой слой населения, обладающий рабами. Недаром раннесредневековые армянские историки сообщают о наличии в дофеодальной Армении различных категорий рабов.

Глубокая имущественная дифференциация вела родоплеменной строй к неминуемой гибели, к образованию антагонистических классов. Зарождение частной собственности, посемейная обработка отдельных участков земли, накопление богатств в руках отдельных семейств и проникновение в Закавказское общество товарных отношений (под влиянием урартов) окончательно разрушили первобытно-общинные отношения.

В этих условиях возникают большие союзы племен, на что указывают урартские эпитафические памятники. Вполне вероятно, что именно в этот период возникают сельские общины, становящиеся, повидимому, основными хозяйственными единицами данного общества (?). Ксенофонт, заброшенный судьбою в Армению (V в. до н. э.), подробно описал сельские общины.

Возникновение крупных союзов племен с общим уровнем общественного и культурного развития делает возможным установление контакта с племенами и союзами, населявшими территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Подобный контакт создает грозную опасность для Ванского царства, борющегося всеми силами против усиления этих племен. Эта борьба впоследствии выразилась в радикальных мероприятиях и реформах, проведенных пошатнувшимся урартским государством. В борьбе против внешнего врага сплачивались прежде разрозненные племена вокруг наиболее мощных племен, производственный и культурный уровень которых с течением времени нивелировался, стирая грани между отдельными

племенами, населявшими весьма широкие пространства. Дошедшие до нас письменные источники четко характеризуют борьбу этих мощных военно-политических союзов-племен против некогда могущественных рабовладельческих государств древнего Востока.

В борьбе мидян и скифов против Ассирии участвовали и кочевые отряды населения Урарту. Эти же силы нанесли сокрушительный удар по урартскому расшатавшемуся государству.

Падением Урарту (около 585 г.) начался новый этап развития в жизни южно-закавказских аборигенов, этап, с которого обычно начинается история современных народов Закавказья и, в частности, история армянского народа.

В автореферируемой работе некоторые вопросы выдвинуты гипотетично с целью уточнения и проверки в дальнейшем.